Павел Шалимов,
ведущий архивист Государственного архива Липецкой области

Дороги войны Ивана Александровича Нарциссова.

Иван Александрович Нарциссов – военный фотограф и журналист родился 17 апреля 1913 года в городе Липецке. В 1939 году работал по направлению ЦК комсомола в городе Фрунзе в республиканской газете «Комсомолец Киргизии» фотокорреспондентом. За год до войны был призван в Красную Армию, служил в Туркмении радистом.

Вот как вспоминает Иван Александрович начало Великой Отечественной войны: «Я находился в командировке в городе Ашхабаде. Было много хлопот, связанных с назначением на службу в солдатскую газету – редакция газеты только что организовалась. Я шел по одной из тихих улиц. Вдруг метрах в пяти от меня с шумом распахивается дверь дома и на крыльцо выбегает взволнованная чем-то женщина. Увидев человека в военной форме, кинулась ко мне с вопросом:

– Что?! Война началась?!

– Где, какая война?

Женщина не ответила, не остановилась, кинулась в соседний дом. И тут только я в полной мере осознал смысл того, о чем она говорила.

Вечером того же дня у меня состоялась встреча с братом Николаем, комсомольцем – он служил в армии в Ашхабаде, а до этого был токарем на липецком заводе «Свободный Сокол». То была последняя наша встреча: брат погиб в боях за Родину.

…Через неделю наше соединение выехало на фронт».

В Великой Отечественной войне Иван Александрович участвовал с первых дней в боях под Ельней Смоленской области и дошел до Берлина. Под Ельней он получил свое боевое крещение, здесь же, на передовой, и был ранен.

«На подмосковных железнодорожных станциях и разъездах наше соединение немного задержали. Но вот мы прибываем под город Ельню Смоленской области.

– Завтра – в бой, – сказали нам сразу.

Первых раненых увидел на полевом пункте при отправке людей в санбаты. Вот она, война!.. Кровавые бинты, рваные раны от разрывных пуль, осколков, ожоги… Тут же, где-то рядом рвались снаряды, слышалось гулкое уханье мин. Увидел: горит высокая рожь, и пламя бушует в поле, охватывая все большее пространство. Горел наш драгоценный хлеб на корню, горел в пору уборки. Потом, на фронте, я неоднократно слышал

слова: на войне как на войне – длинные бои, походы… Да, это так: много тяжелого и тяжелейшего повидал на войне каждый фронтовик. Но какими глубокими отметками ложились на сердце эти первые впечатления!..

Врезался в память такой эпизод. Мы – человек десять из кадрового состава соединения, все молодые, сидим на опушке леса, недалеко от передовой. К нам подошел старший политрук с перевязанной рукой. Состоялось знакомство – мы узнали, что товарищ был в числе тех, кто встретил войну на самой границе, получил там ранение и вывел бойцов своего подразделения из вражеского окружения.

С какой жадностью мы слушали этого товарища, уже опытного в боевых делах! Он сказал:

– Гитлеровцы очень наглые, они постоянно стремятся огневым громом вызвать панику, но поддаваться ей нельзя!

Он рассказал несколько поучительных историй. Вот одна из них. Колонна немецких мотоциклистов мчится по шоссе. Фашисты стреляют из ручных пулеметов беспрерывно. Вот они подожгли зажигательными пулями крытую соломой одиночную хату у дороги, другое строение на пути запалили. Много от немцев огня, много от них треска. Но наши воины заметили, что фашисты ведут огонь беспорядочно. Все у них было рассчитано, чтобы вызвать страх, панику, замешательство. Однако бойцы наши не поддались страху и из-за укрытия забросали мотоциклистов гранатами, многих уничтожили, остальных обратили в бегство», – вспоминает Нарциссов.

«Победа под Ельней показала всему миру, что Советская Армия даже в самый тяжелый для нее период способна не только упорно обороняться, но и успешно осуществлять крупные наступательные операции и бить хваленую фашистскую армию», – так писала газета «Красная звезда».

В 1941 году Иван Александрович служил военным журналистом в газете «За Победу!» – органе печати 105 танковой дивизии, в состав которой входила 24-я танковая бригада, где Нарциссов был секретарем политотдела. С 21 октября бригада действовала в составе 43-й армии на Малоярославском направлении.

После разгрома фашистов под Москвой ему вручили награду – медаль «За оборону Москвы». В марте 1942 года Иван Александрович получил звание младший политрук.

Со страниц газеты во весь богатырский рост встают отважные и умелые воины: комсомолец стрелок Удалов, командир орудия старший сержант комсомолец Резников и многие другие.

Иван Александрович так описывает будни военного корреспондента: «Фотографировать мне приходилось в любых условиях, при любой погоде, на марш-броске, при вражеском обстреле. Запомнился случай: надо было срочно сфотографировать несколько человек из одной части для кандидатских билетов. Фотографировал людей около куста. Вдруг прилетела мина – легла в стороне. Вторая чуть ближе от нашей траншеи. Очередной солдат, который встал для позирования, не боялся обстрела. Я хотел навести для съемки фотоаппарат, но тут ребята крикнули:

– В укрытие!

И буквально столкнули нас в траншею. А через две-три секунды раздался оглушительный взрыв, на шинели посыпались комья земли. Все живы. Никого не задело. Поднялись из траншеи заканчивать фотосъемку. Но где же куст?! От него даже веточки не осталось, только воронка на его месте. Не прояви ребята решительности в тот момент, не было бы этих строк… Забота друг о друге, внимание к товарищу помогали не раз. «Сам погибай, а товарища выручай!» – этот лозунг и призыв на фронте был очень актуален.

Печатать фотографии приходилось в ночное время в хатах, где уставшие за день боев солдаты спали на полу, впритирку. Бодрствовали только часовые у наружной двери да я в закутке, сооруженном из двух плащ-палаток. В других случаях проявлять фотоотпечатки приходилось в промерзшей землянке и тогда теплым своим дыханием «вытягивал» их.

Там же, в Подмосковье, произошел такой случай.

Мы тогда освободили небольшой рабочий поселок. Мирное население радовалось освобождению. Вдруг налетели вражеские самолеты, началась бомбежка – немцы думали, наверное, что советские войска еще в поселке. А может и не думали – просто решили сбросить смертоносный груз на ни в чем не повинных жителей. Они это часто практиковали.

Бомба попала в двухэтажный дом и фасад рухнул. Взрывы гремели слева и справа, а укрыться практически было негде. И тут от повалившейся стены ко мне подлетел мальчонка лет девяти. Он бросился ко мне, вцепился в рукав, закричал: «Дяденька военный, спаси меня!»

Самолеты заходили на новый круг, узенькая ладошка мальчугана была в моей руке. И это придало мне силы: я осознавал свой долг перед беззащитным существом. А он и не знал, что, в общем-то, я ничем не могу ему помочь. Он лишь чувствовал рядом с собой солдата, старшего. Конечно, в любой момент нас мог накрыть взрыв. И все же я знал, побывав под бомбежками не раз, что бомба, которая над твоей головой – не твоя, она пролетит дальше. Так вот мы с мальчиком и лавировали бегом среди развороченных домов с места на место, покуда не улетели стервятники».

Необыкновенно вдохновляла солдат каждая победа над гитлеровцами и вызывала у них неудержимое желание рваться вперед на запад, отвоевывая родные города и села.

«Сначала были первые отвоеванные у врага деревни, потом наш боевой порыв нарастал и мы гнали врага все быстрее, перемалывая его части. В одной избе дымился на столе завтрак немцев. Вот как поспешно они удирали. В другом селе женщина рассказывала мне, как всего час назад немец с отмороженным носом и обезумевшими глазами плясал в хате, приговаривая: «Нам, матка, капут, капут!». Женщина и плакала и смеялась, вспоминая своего непрошенного постояльца, неврастеника-плясуна. Видимо, зрелище было занятное. Но у меня перед глазами другое было: огромное снежное поле, солнце слепит глаза, пахнет гарью, бензином. По бесконечным подмосковным снегам движутся наши танки, за ними пехота, все наши воины одеты в самое добротное, в маскировочных белых халатах. Поистине, русский мороз бодрит. И все мы довольны успехом наступления. А навстречу нам – пленные немецкие солдаты и офицеры. Кто в чем. Один натянул на серо-зеленую шинель женскую кофту, другой поверх сапог накрутил жгуты из соломы. И ни у кого из них нет самодовольной улыбки победителей. Я всматриваюсь в лица врагов. О чем думает молодой долговязый немец? Может, его сапоги топтали виноградники Франции или утопали в песках Африки. Теперь он покорно топает в унылой колонне и скоро увидит Москву, в которую он так стремился. Через мои руки тогда прошло много неотправленных писем: в большинстве из них чувствовались паника, уныние. И хотя напрямую пока не говорилось о поражении, чувствовался упадок сил. Авторы словно бы говорили: тут нам конец.

Мы, советские воины, утолили свою жажду первым глотком большой победы. Мы чувствовали, что можем бить врага, врага сильного, жестокого, коварного. Мы шли все дальше на запад. И глазам открывалось снова и снова невиданное зрелище: танки, заправленные горючим, часто с полным боекомплектом, перебитые стволы немецких пушек, искореженные огнем машины всех европейских систем, застывшие бронетранспортеры. И вся эта груда металла по обе стороны нашей дороги покрывалась русским снегом.

Бодрое, радостное тогда была настроение у наших солдат! Впереди было еще много боев. Сколько? Никто тогда не знал. Но первый огромный успех пришел к нам. И слова «Победа начиналась под Москвой!» стали крылатыми. Я с гордостью храню свою награду – медаль «За оборону Москвы!», – пишет Нарциссов.

В 1942 году Иван Александрович Нарциссов участвовал в боях за освобождение Новгородской области на Калининском фронте, работал

в газете «Советский гвардеец». В августе 1942 года получил звание – политрук: «После небольшого отдыха и пополнения 24-я танковая двинулась дальше громить врага. А меня Главное политическое управление Красной Армии назначило военным фотокорреспондентом в газету гвардейского стрелкового корпуса, действовавшего на Калининском фронте. В связи с новым назначением мне было присвоено звание политрука».

Иван Александрович оставил яркие и искренние воспоминания о своих сослуживцах той поры: «...Соратник вожака Бакинской коммуны Степана Шаумяна С. Даниелян активно участвовал в становлении Советской власти в Закавказье. Стрелковая рота, которой он командовал, стойко сражалась в 1918 году против интервентов. Сначала Великой Отечественной войны Даниелян – командир 38-й отдельной стрелковой бригады. В сражениях под Москвой он и его бойцы проявили себя людьми смелыми, стойкими, беспредельно преданными матери – Родине.

В марте 1942 года 38-я отдельная бригада была переименована в 4-ю гвардейскую стрелковую бригаду. И мне посчастливилось запечатлеть момент, когда С.М. Даниелян, приняв знамя, опустился на колени. Стали на колени и все бойцы и комиссары. Даниелян торжественно произносит, а за ним и все бойцы, гвардейскую клятву: умереть, но освободить советскую землю от заклятых врагов.

– Будем бороться с немецко-фашистскими оккупантами, пока бьются наши сердца и видят глаза, – так говорили они.

Мной получено из Москвы письмо. Оно начинается так:

«Сообщаем, что знамя 4-й гвардейской стрелковой бригады хранится в Центральном музее Вооруженных Сил СССР».

В августе 1942 года бригада была переброшена на Кавказ. В составе 10-го гвардейского стрелкового корпуса вела оборону в районе г. Грозного. В сентябре 1942 года вела бои на Моздокском направлении. Указом Президиума Верховного Совета СССР 13 декабря 1942 года бригада была награждена орденом Красного Знамени. Затем – участие в сражениях в составе 18-й армии за Новороссийск.

Отважный сын армянского села Чардахлы С.М. Даниелян не дожил до светлого дня нашей Великой Победы, он погиб смертью храбрых на поле боя в 1944 году. В его родном селе открыт памятник воинам-землякам, павшим в боях Великой Отечественной войны. Знаю, что Чардахлы знаменито и известно далеко за пределами республики. Более 1000 его граждан участвовали в Великой Отечественной войне. Среди них известные военачальники – маршал Советского Союза И.Х. Баграмян и Главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян».

В воспоминаниях Ивана Александровича Нарциссова четко прослеживается единство и солидарность всех народов Советского Союза в борьбе с общим врагом. Так, военный корреспондент вспоминает: «Поздним вечером в землянку командира подразделения вошел широкоплечий воин-казах. С темно-зеленой плащ-палатки струйками сбегала вода. В руках он держал винтовку с оптическим прицелом. Это был Абиль Нусупбаев – коммунист, руководитель снайперской группы панфиловцев, отважный воин, меткий стрелок, любимец подразделения. Я знал, что его имя уже широко известно за пределами части, это о нем было тепло рассказано на страницах «Комсомольской правды».

Он только что возвратился из засады.

– Каковы успехи, товарищ старший сержант? – спросил командир в ответ на приветствие снайпера, протягивая ему руку.

– Успехи есть. Абдыбеков, Мадаминов, Найзабеков и Шабеков опять дали жару фрицам! Сегодня они подстрелили 14 гитлеровцев. Молодцы ребята.

– Это хорошо! – сказал командир, пригласив снайпера сесть.

Снайперы, о которых рассказал Нусупбаев, были его учениками. Он прививал им выдержку, хладнокровие, умение выждать, а потом наверняка послать пулю. Под руководством своего учителя его подопечные постигали приемы точной стрельбы, стали мастерами своего нелегкого дела.

Абиль Нусупбаев обладал богатым опытом. Объяснял, что боец должен уметь маскироваться в любое время года.

– Надо так укрыться, говорил Нусупбаев, – чтобы видеть все впереди себя, а самому быть совершенно незаметным даже за несколько шагов.

– Я смотрю за каждым шагом своих бойцов, – рассказывал Нусупбаев мне. – Днем обхожу засады. Вместе с бойцами подползаю нередко к немцам почти вплотную, на практике учу всему, что требуется. Учет истребленных гитлеровцев у нас в подразделении поставлен точно.

В тот же вечер командир подразделения сказал мне:

– Сейчас на счету Нусупбаева 62 лично им истребленных фашиста…

В том, 1942 году я часто встречался со снайперами – панфиловцами, которых было в соединении более тридцати. Это были люди, проявившие величие духа в годы тяжелых испытаний. В моем архиве сохранились слова снайпера Тулеугали Абдыбекова, относящиеся к ноябрю:

«Я гвардеец. Это великая честь для меня… Я целую свое гвардейское знамя и клянусь до последнего дыхания биться под ним до полной победы над врагом, как бились 28 гвардейцев-героев».

6 февраля 1943 года газета «Известия» в передовой статье «Наказ казахского народа своим сынам-воинам» писала:

«Не щадя крови своей, ни самой жизни, в упорных, суровых схватках разят казахи-воины немецко-фашистских оккупантов, соревнуясь в отваге и геройстве с бойцами других национальностей. Тяжела рука казаха-воина, остер его глаз, метка его пуля. Немецко-фашистские мерзавцы не раз испытывали чувство животного страха, встретившись лицом к лицу с бойцами-казахами. Сержант Абдыбеков убил 227 фашистов».

С сержантом Т. Абдыбековым мне доводилось по корреспондентским делам встречаться и беседовать много раз. Всегда оставалось радостное чувство, что ты поговорил с человеком беспредельной отваги и высокого воинского мастерства, горячо любящего свою Отчизну.

Одного желал Абдыбеков: как можно больше истреблять фашистов в Новгородской области, в районе города Холма, в краю былинном – здесь ведь были первые поселения славян! – где он, знаменитый снайпер дивизии, находился много месяцев кряду. И количество уничтоженных фашистов росло. Истребив 200 гитлеровцев, Абдыбеков говорил: «Эти гады больше не напьются воды из реки Ловати!» Ловать ему была дорога, как родные реки Казахстана. Новгородская земля была мила его сердцу, как далекая родная солнечная республика, откуда он часто получал письма и куда писал о себе и фронтовых делах».

В борьбе с немецко-фашистскими захватчиками объединился весь народ, в том числе женщины и дети: «Люди старшего поколения хорошо знают их – женщин, одетых в серые солдатские шинели, ушедших по зову сердца на фронты Великой Отечественной. Рядом с мужчинами шагали они по огненным дорогам, перевязывали раненых, обеспечивали наши войска надежной связью, были пулеметчицами, снайперами, летчицами, зенитчицами.

В один из августовских дней, когда я посетил медсанбат легендарной Панфиловской дивизии, мне тут же посоветовали сфотографировать медсестру Валю.

Фотографируя Валю, сделал четыре-пять снимков, разных. Лучший послал в газету «Комсомольская правда. Снимок сразу же напечатали на первой странице под заголовком: «Дочь генерала».

Валя – во фронтовом лесу. С медицинской сумкой через плечо. Лицо серьезное, приятное, спокойное.

Валентина Панфилова, дочь легендарного генерала

Текст к фотографии:

«Имя Героя Советского союза генерал-майора Панфилова с любовью и гордостью произносят во всех концах нашей страны. Эти герои-панфиловцы в тяжелые дни, когда враг угрожал Москве, показали беспримерную стойкость в бою, железной стеной преградив дорогу немцам.

В дни Великой Отечественной войны, когда решается судьба Отчизны, бок о бок сражаются отцы и дети, воодушевленные одним стремлением – истребить, уничтожить врага.

Дочь генерал-майора Панфилова, погибшего смертью храбрых, комсомолка Валя, достойна своего отца – героя. Она работает на фронте медицинской сестрой. Не зная устали, не ведая страха, под огнем неприятеля, под жестокой бомбежкой с воздуха она выполняет свое благородное дело.

Как-то двадцать немецких самолетов налетели на село, где находился медицинский пункт. Валя не оставила своего поста. Взрывной волной

ее отбросило в другую комнату, ранило в голову. Сама раненая, она продолжала оказывать помощь раненым бойцам.

Молодая медицинская сестра заслужила всеобщую любовь и уважение.

Стойко, мужественно, как и подобает комсомолке, воину Красной Армии, перенесла Валя Панфилова смерть горячо любимого отца.

От отпуска, поездки домой она отказалась.

– Я останусь на фронте, – сказала она.

Здесь, на фронте, медицинская сестра, комсомолка Валя Панфилова вступила в кандидаты партии, здесь она стала членом ВКП(б)».

К этому же периоду относится и моя встреча, там же, в Холмском районе, с юным разведчиком, подростком-героем, которому было всего четырнадцать лет.

Он служил в отдельной разведроте. Вы его видите на фотографии тех лет. Юный разведчик-доброволец Ваня Михаленко истребил пять фашистов. Награжден медалью «За отвагу».

Юный разведчик-доброволец Ваня Михаленко истребил пять немцев

Помню, как командир разведроты, тяжело вздохнув, сказал:

– Судьба у Вани очень трагична…

Действительно, душа у Вани была страшно опалена. Осенью сорок первого года в деревню Максимово Холмского района, где жил Ваня, ворвались гитлеровцы. Начались грабежи и насилия. В морозный день января 1942 года фашисты установили на околице села пулеметы. Среди обреченных на гибель были старики, женщины, дети. Ваня Михаленко стоял с тремя младшими сестренками, матерью и бабушкой. Со слезами на глазах смотрел он на подожженную врагами деревню.

– Еще подумал я, – вспоминал Ваня, – что же это? Где мы будем жить?..

Неожиданно раздались пулеметные очереди. Подкошенные пулями, упали мать, бабушка, три сестренки. Ваня упал, потеряв сознание. Это и спасло ему жизнь. Поздно вечером, когда всходила луна, мальчик очнулся. Он вылез из-под окоченелых тел. Ушел в лес. Там встретился с боевыми разведчиками из 3-й Ударной армии. Они помогли мальчику перейти линию фронта. По его просьбе он был зачислен в отдельную разведроту. Здесь был награжден медалью «За отвагу». Солдаты –разведчики говорили мне:

– Он настоящий герой!

Позже я узнал, что Иван Михаленко в 1943 году для выполнения спецзадания самолетом был заброшен в 4-ю партизанскую бригаду, в которой он геройски воевал до полного изгнания фашистов с земли новгородской. Был удостоен наград. После окончания Великой Отечественной войны И. Михаленко стал жителем Калининградской области. Встреча с юным героем навсегда осталась в моей памяти».

В 1943-1944 годах в составе 1-го механизированного танкового Красноградского корпуса Нарциссов трудился в газете «Бой за Родину» (1-й Белорусский фронт). Вспоминая об этих днях, Иван Александрович пишет: «Разбираясь в своем «хозяйстве», я наткнулся на пакет с надписью: «В боях за Белоруссию. 1944 год». Тут у меня оказалось, как говорится, всего понемногу – некоторые фотоснимки, сделанные мной, отдельные вырезки из солдатских газет…

Был тут и номер фронтовой (1-й Белорусский фронт) ежедневной красноармейской газеты «Красная Армия», датированный 7 июля.

Заголовки публикаций: «В Минске», «Войска идут вперед», «В обход», «Танкисты! Равняйтесь по отважным бойцам капитана Глухова». Выразительная шапка на первой странице: «Ковель наш! Еще один город возвращен Родине».

Стал читать подпись под фотографиями моей работы: «Танкисты капитана дважды орденоносца Бортовского выдвигаются на исходный рубеж для атаки. В прорыв, сделанный танкистами, устремились пехотинцы и завязали уличные бои в населенном пункте».

Да, все так и было: удирая под натиском наших танков и мотопехоты, фашисты подожгли белорусское село. Наши автоматчики, преследуя противника, с ходу ворвались в горящее село и, мстя гитлеровцам, уничтожали их тут же на улицах. Вот в такой обстановке и были сделаны мной фотографии.

Ничего не могло остановить железного натиска наших воинов. Помню, дерзко врывались автоматчики в расположение врага и наносили ему сокрушительные удары. Действуя в составе десантов, на танках и самоходных орудиях они проникали во вражеские тылы, ударяли с флангов, наводили панику в стане врага и обеспечивали успешное продвижение наших частей вперед. Ежедневно они проводили разведку боем, нанося врагу сокрушительные удары. Полные воинской отваги, они часто первыми входили в города и села, занятые врагом. Быстрота, натиск, маневр – тремя этими словами можно определить сущность тех операций, которые с неизменным успехом проводились тогда в Белоруссии нашими мотомеханизированными подразделениями.

В эти дни мне нередко приходилось видеть на улицах белорусских сел и городов отряды героев-партизан. Они шли запыленные, усталые, обвитые пулеметными лентами. Их колонны сливались с колоннами войск белорусских фронтов. Это было очень символично! И воинов Красной Армии, и партизан жители белорусских сел и городов встречали с такой радостью, так тепло, что я просто не нахожу слов, чтобы передать то незабываемое волнение, которое охватывало нас, солдат и офицеров. В один день мне довелось раздавать жителям одного белорусского городка, только что освобожденного от гитлеровцев свежие центральные газеты. Как тянулись руки людей к газетам, нашим, советским газетам. Как жадно вчитывались люди в каждое слово, что было напечатано в них!»

Иван Александрович был в самой гуще боев за освобождение Белоруссии: «Штаб нашего танкового полка, где я находился как корреспондент, расположился на опушке соснового леса, в том самом месте, где и истребительно-авиационный полк. Такое соседство возникло чисто случайно. И ненадолго, всего на час. Но именно в этот час мне довелось увидеть этот воздушный бой.

Было так. Пять немецких «мессершмиттов» следовали в район расположения наших танковых частей. Путь им преградили четыре наших

истребителя, что патрулировали в воздухе. Сразу же завязалось сражение, которое приняло с первой же минуты ожесточенный характер: немецкие летчики оказались опытными асами.

Я видел, как серебристой стрелой взмывали вверх наши истребители и тут же, пикируя и умело маневрируя в зоне огня, шли на врага. «Мессеры», ревя моторами, увертывались. Затем тоже бросались в пике, пытаясь уничтожить наши машины. Взволнованно следил я за слаженной боевой работой советских авиаторов, восхищался ими. Благодаря четкой радиосвязи, мы отлично слышали голоса пилотов – штабная рация стояла рядом, под деревом. Диалоги летчиков были короткие:

– Петро! Отверни вправо!

– Будь осторожен, друг!

– Вася, заходи слева!

Непреклонность человеческого духа чувствовалась в каждом их слове! И подумалось: а ведь в этом бою по-своему участвуют и скромные люди – связисты…

На какой-то минуте сражения наш пилот, точно рассчитав миг встречи с врагом, огненной очередью прошил «мессера». Вражеский стервятник, оставляя за собой шлейф дыма, свалился в болото. На этом воздушный бой закончился – немецкие летчики удрали на запад.

Немного погодя я прибыл в механизированную бригаду. Познакомился с радистом, старшиной. Общительный юноша оказался, еще до войны, когда учился в средней школе, радиолюбителем; увлеченно мастерил радиоприемники. Делясь своими впечатлениями он сказал:

– И на марше, и в наступлениях мотострелковых и танковых частей, и в полете нашей авиации – везде, в любое время нужна на войне надежная радиосвязь.

Это было очень верно!

К нам подошел офицер-связист. Протянул старшине листок бумаги. Сказал:

– Приказ! Передать его срочно в штаб…

– Есть передать срочно, – отвечал радист. И сквозь разрывы бомб, орудийный грохот в эфир полетели позывные».

В 1944-1945 годах Нарциссов служил в газете «За победу» в составе 9-го Бобруйско-Берлинского Краснознаменного ордена Суворова II-й степени отдельного танкового корпуса до победных дней. Служил вместе с известным советским поэтом Михаилом Светловым.

«Если человек прошел через войну, он навсегда запомнит эти годы. Навеки врезались мне в память дни, когда, ломая ожесточенное

сопротивление, наш отдельный танковый корпус вошел в логово фашистского зверя – гитлеровскую Германию. Помню вечерний час, когда впервые увидел немецких жителей: старики, женщины, дети – испуганные, робкие и жалкие.

Как-то, укрываясь от пуль, которыми фашистские летчики поливали дорогу из пулеметов, я вбежал в подъезд каменного дома. Я был весь в снегу. Из укрытия я стал наблюдать за самолетами с черными крестами. И тут дверь квартиры тихо отворилась, и ко мне вышел старик – седой немец с венчиком в руке. Очень усердно он взялся стряхивать с меня прилипший снег и что-то оживленно говорил. Смысл его слов я понял лишь по лицу и жестам: старик объяснял мне, что он и его семья не воюют против русских.

Помню, как люди – то были освобожденные нами французы – бежали навстречу нашему танковому полку и, радостно размахивая руками, выкрикивали приветствия на своем и русском языках:

– Добро русским! Спасибо! Слава советским танкистам!

Сейчас трудно перечислить все те города и населенные пункты в Германии, которые брал наш 9-й отдельный танковый корпус. Бервальде и Дамбург, Вангерин и Фрайенвальде, Штаргард и Массов… За взятие этих городов Верховный Главнокомандующий всему личному составу нашего корпуса объявил благодарность.

В одном из немецких городов мне довелось увидеть ужасное зрелище. Со своим товарищем я зашел в квартиру одноэтажного дома с островерхой черепичной крышей. В просторной спальне мы увидели, что пол залит кровью, а в кроватках пятеро детей – все были мертвы. Молодая женщина, лет тридцати, тоже лежала мертвой в своей постели. Как, почему произошла трагедия?

Мы заметили в углу маленькую седую женщину. Она вяло мотала головой. Мой товарищ, знавший немецкий язык, задал ей несколько вопросов, но она лишь бормотала: «Мне холодно, холодно, холодно».

Мы решили, что надо немедля позвать опытных следователей. Что же произошло? Несчастье оказалось связанным с приходом накануне в дом гитлеровских активистов. Настраивая немцев на длительное сопротивление Советской Армии, гитлеровские бандиты запугивали немецких женщин. Они клеветали: «Если русские войдут в город, они будут вас мучить, пытать, а потом убьют». Старуха поверила мерзавцам и своими руками ночью умертвила всю семью. Лишить себя жизни – на это у старухи не хватил сил. Когда велось короткое расследование, одна из соседок, тоже пожилая немка, сказала нам: «Мы уже сыты этой войной и не хотим воевать против вас». Мы разъяснили ей, что не воюем против гражданского населения,

что Германия в огне только по вине Гитлера и его клики, развязавших войну, что мы теперь освобождаем народы Европы от гитлеровской тирании.

В те суровые дни советским воинам часто приходилось проводить среди немцев подобные беседы. Великая священная правда: люди всей земли знают советского воина не только как пламенного патриота своей родины, но и как убежденного интернационалиста.

Говорят, что память – сила интеллекта. Верно! Но это еще «бегущие по волнам» пережитые чувства, образы, картины. Необыкновенная обстановка царила в том городке, где мне довелось быть со своим неразлучным фотоаппаратом. Прямо на улице увидел стол, небольшой, накрытый красной материей. На столе в стакане с водой – букетик живых цветов. За столом сидел советский солдат. Один из тех, кого по праву называют главным героем Великой Отечественной войны.

Всмотритесь в фото: перед солдатом специальная книга для регистрации. Сейчас я думаю: эта книга будет храниться в веках! Солдат тогда записывал фамилии и имена, домашние адреса обступивших стол изможденных людей. Это были русские, украинцы, белорусы – тех, кого фашисты насильно угнали в рабство.

Советские граждане, освобожденные от фашистского рабства, 1945 г.

И вот – они свободны! Вы видите их на фотографии в ожидании того часа, когда они сядут в поезд, который привезет их на Родину», – вспоминал Иван Александрович о завершающем этапе Великой Отечественной войны на территории Германии.

Иван Александрович Нарциссов начал войну рядовым, закончил – гвардии капитаном. Был награжден медалью «За боевые заслуги», двумя орденами Красной звезды и орденом Отечественной войны II-й степени. На фронте сотрудничал с «Фотохроникой ТАСС».

После окончания войны работал фотокорреспондентом в различных газетах. В 1947 году – редактором газеты «Колхозный путь» - орган печати Бобровского РК ВКП (б) и райсовета депутатов трудящихся Воронежской области.

С первого года рождения липецкой молодежной газеты «Ленинец» Нарциссов начал публиковать свои снимки. Печатал свои работы в областной газете «Ленинское знамя». А, кроме того, посылал свои снимки и статьи во многие газеты и журналы союзных республик СССР. В январе 1959 года был принят в Союз журналистов СССР. Он является одним из авторов 5-томного издания «Великая Отечественная война в фотографиях и кинокадрах» издательства «Планета» и книги «Подвиг» Центрально-Черноземного книжного издательства.

В честь 40-летия Великой Победы Иван Александрович был награжден 4-м орденом – «Отечественной войны I степени».

Умер Иван Александрович Нарциссов в мае 1986 года. Похоронен в городе Липецке.

Все негативы времен Великой Отечественной войны Иван Александрович бережно сохранил до наших дней. Часть фотографий, сделанных И.А. Нарциссовым, хранится в Государственном архиве кинофотофонодокументов СССР. Личный фонд его поступил на хранение в Государственный архив Липецкой области в октябре 1985 года.

Источники

1. В объективе война. Записки фронтового журналиста. ОКУ ГАЛО. Ф.Р-1847. Оп.1. Д.20.